

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

№ 1 (90)
январь —
февраль
2025

Учредитель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Адукацыя і выхаванне”»

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
Леонид Абрамович ПЕРГАМЕНЩИК,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ, ответственный редактор,
кандидат психологических наук; доцент

Т. Н. БУБНЕВИЧ, начальник Центра поддержки социально-педагогической и психологической работы кадров образования Минского областного института развития образования;

И. Е. ВАЛИТОВА, доктор психологических наук, профессор

Е. В. ЗДОРОВЦОВА, заместитель директора по учебно-методической работе Гомельского областного социально-педагогического центра;

О. Ш. ИСМАИЛОВ, кандидат экономических наук, доцент;

С. И. КОПТЕВА, кандидат психологических наук, доцент;

Т. И. КРАСНОВА, кандидат психологических наук, доцент;

Е. Г. ЛИМАНСКАЯ, методист Брестского областного института развития образования;

И. Н. СЕЛЕЗНЁВА, заведующая кафедрой педагогики, частных методик и менеджмента образования Витебского областного института развития образования;

А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат психологических наук, доцент;

Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ, председатель,
доктор философских наук, профессор;

Н. Н. ВАСЯГИНА, доктор психологических наук, профессор (РФ);

А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических наук, профессор (РФ);

Д. Г. ДЬЯКОВ, доктор психологических наук, доцент;

Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор;

Е. И. ЗАХАРОВА, доктор психологических наук, профессор (РФ);

А. С. ЛАПТЕНКО, доктор философских наук;

А. М. ПОЛЯКОВ, доктор психологических наук, профессор;

М. И. РОЗЕНОВА, доктор психологических наук, профессор (РФ);

Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор психологических наук, профессор;

И. А. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор;

Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии (США)

Содержание

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. ЛЮДИ

- III Международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы кризисной психологии» **4**

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Л. А. Пергаменщик

- Кризисная психология в поисках теоретических оснований
своего существования **6**

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Круглый стол
«Есть ли кризис в современной отечественной психологии?» **15**

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Р. В. Кадыров

- Контузия и посттравматическое стрессовое расстройство
ветеранов боевых действий: исследования и практика **29**

СЕМЬЯ

В. И. Слепкова

- Три источника эмоционально фокусированной психотерапии:
опыт интеграции **39**

И. Е. Валитова

- Психологическая поддержка женщины в кризисной ситуации
рождения ребенка с нарушением развития **44**

ПРАКТИКУМ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛА

Е. А. Петражицкая

- Фотография как инструмент психологического сопровождения
женщин в ситуации перинатальной утраты **55**

Л. А. Вертынская

- Самопомощь в кризисной ситуации: как начать помогать самому себе? **64**

ИНФОРМАЦИЯ

- Содержание журнала за 2024 год **70**

- Требования к публикации статей **72**

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных фактов и цитат. Редакция может печатать материалы в порядке обсуждения, не разделяя точки зрения авторов.

Круглый стол «Есть ли кризис в современной отечественной психологии?»

Материал выходит под научной редакцией доктора психологических наук, профессора **Л. А. Пергаменщика** и кандидата психологических наук, доцента **А. А. Полонникова**.

*Редакционная коллегия выражает благодарность **Наталии Леонидовне Пузыревич**, заведующей кафедрой социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ, кандидату психологических наук, и **Наталии Александровне Толочко**, магистранту кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ, за подготовку материалов круглого стола к публикации.*

На круглом столе обсуждались следующие вопросы: 1) актуальное положение дел в практической, прежде всего кризисной, психологии; 2) состояние научно-образовательной ситуации, сложившейся в восточно-европейском регионе; 3) подготовка будущих психологов-практиков.

Ведущий: Леонид Абрамович Пергаменщик, профессор кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ им. Максима Танка, доктор психологических наук, профессор.

Спикеры: Александр Андреевич Полонников, доцент кафедры психологии образования и развития личности Института психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент; **Лидия Александровна Вертынская**, старший преподаватель кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ; **Сергей Алексеевич**

Янгибаев, практикующий психолог, аспирант кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ.

Участники: Руслан Васитович Кадьиров, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин факультета общественного здоровья Тихоокеанского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук, доцент; **Надежда Владимировна Клюева**, заведующая кафедрой консультационной психологии, руководитель Психологической службы Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор; **Михаил Александрович Дыгун**, доцент кафедры психологии и социальной педагогики Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина, кандидат психологических наук, доцент, практикующий психолог; **Владимир Владимирович Загребин**, доцент кафедры социологии Ярославского госу-

дарственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат социологических наук, доцент; **Валентина Ивановна Слепкова**, доцент кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ им. Максима Танка, кандидат психологических наук, доцент; **Сергей Владимирович Кирпич**, кандидат технических наук, доцент; **Марина Ивановна Розенова**, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор; **Наталья Леонидовна Пузыревич**, заведующая кафедрой социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ им. Максима Танка, кандидат психологических наук; **Наталья Александровна Толочко**, магистрант кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ им. Максима Танка; **Валерия Боровко**, студентка IV курса Института психологии БГПУ им. Максима Танка; **Екатерина Ивановна Лебедева**, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета; **Ольга Владимировна Фельсендорфф**, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук; **Виктория Алексеевна Евграфова**, ассистент кафедры консультационной психологии, специалист психологической службы Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Евгения Александровна Серова**, доцент кафедры социальных технологий Ярославского государственного университета

им. П. Г. Демидова, кандидат социологических наук.

Л. А. Пергаменщик. В моем докладе, прозвучавшем на пленарном заседании, было поставлено больше вопросов, нежели ответов, и эти вопросы требуют расширенного обсуждения. Центральным из них — основания кризисной психологии. И это тема сегодняшней нашей дискуссии. И, возможно, среди вопросов об основаниях — то, с чего должна начинаться вообще любая психология: что есть человек?

А. А. Полонников. Уважаемый выступающий в своем докладе затронул один очень важный вопрос, связанный с трактовкой кризиса. На нашей конференции кризис часто выступал как некая самоочевидная вещь, связанная с травмой, с переживанием человеком каких-то жизненных событий, вещь, не требующая дополнительных интерпретативных усилий. Так, например, в пленарном сообщении коллеги из Владивостока Руслана Васитовича Кадырова говорилось о жизненных кризисах участников вооруженных конфликтов, о военных травмах, с которыми психологу сегодня приходится работать и в понимании которых доминируют психические коннотации. Тут логика простая и в каком-то смысле реактивная. Другое дело — понимание кризиса в социокультурном залоге, периодически звучавшее в конференц-зале. Его уместно выразить словами профессора МГУ Александра Григорьевича Асмолова: «Человек психически здоров, но личностно болен». В этом случае, как мне представляется, содержание кризиса высоко коррелирует с тем, что происходит в культуре и социуме. На это, в частности, указывала профессор московского психолого-педагогического университета Марина Ивановна

Розенова. В своем пленарном докладе она использовала такой маркер кризиса, как «кризис идентичности». Если я ее правильно понял, то последний сообразовывался ею с новым культурным положением человека, культурной динамикой, лишаящей индивида ориентационных опор. Эта ситуация, в которой сложно, а порой и невозможно действовать. Человеческое «я» оказывается в зоне турбулентности, затрудненности самоописания, пусть и не напрямую, но зависимое от социальных категоризаций. В этих условиях, как заметил когда-то Мераб Мамардашвили¹, человек может иметь социальный статус при отсутствии личностной структуры.

И в этом смысле можно понимать и кризис. То есть личность возможна тогда, когда есть от чего оттолкнуться, — основание, на котором можно себя выделить из общего как нечто особенное, переработав, естественно, и организовав в каком-то собственном специфическом порядке. А психолог? Он вовне этой ситуации? Он не вовлечен в такого рода социокультурный кризис? И как ему тогда действовать? Ведь и психолог, и его визави — тот, с кем он работает, находятся в переживаемой ими обоими экзистенциальной кризисной ситуации, ситуации «антропологического кризиса». В докладе Леонида Абрамовича выражалась надежда на то, что основанием психологии в условиях антропологической проблематичности может стать один из вариантов современной феноменологии. В ней спасение?

Л. А. Пергаменщик. Пожалуй, Вы интерпретируете сверх меры. О спасении речи не было.

А. А. Полонников. Согласен. Я пытаюсь работать «в тени» Вашего

высказывания, говорю о том, чего Вы не сказали, но что могло быть Вами сказано. Ибо уже сама постановка вопроса об основаниях говорит о том, что эти основания неясны.

С. А. Янгибаев. Я думаю, что слишком ясны. Особенно в своей неадекватности. Например, в случае жесткой приверженности психологов схемам, доведенным до абсурда, о которых говорил в своем докладе Леонид Абрамович. Тогда схема в сознании психолога замещает человека и, действительно, происходит кризис столкновения с реальностью.

Р. В. Кадыров. У меня сложилось впечатление, что мы возвращаемся к тезису о том, что психология — это не наука. В ней столько определений, столько понятий, столько способов действия и взаимодействия. Вот попробуйте в химии, например, ввести какое-нибудь новое определение... А мы даже сейчас пытаемся рассуждать, условно разделяя психику и личность человека. И что можно представить в качестве целостности: сознание, поведение, какие-то процессы? Или жизненный путь человека?

С. А. Янгибаев. В феноменологии есть на это ответ. Он строится на том, чтобы обозначать человека всегда как нечто большее, чем наше описание, представление о нем.

Н. В. Ключева. А я принципиально не согласна, когда мы говорим о каких-то схемах. Если мы обращаемся к практическому психологу, умеющему рефлексировать свой опыт и каким-то образом его концептуализировать, там точно про схемы не может быть разговора.

С. А. Янгибаев. Но кризис как раз таки и связан с тем, что, несмотря на

¹ Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990) — советский философ экзистенциально-феноменологической ориентации.

то что современное общество говорит о ценности свободы, о том, что у людей есть свобода выбора и так далее, психология, а тем более психотерапия, стремятся к методичности, действию по единому алгоритму. Это же есть и в рекомендациях ВОЗ по работе в психотерапии с травмой. Стремление к подведению под общий знаменатель все время присутствует.

Р. В. Кадыров. Возможно, проблема связана вот с чем. Если мы говорим про практику, ВОЗ и так далее, то там есть понятие «диагноз». Клиническая психология, зарубежная психотерапия с нормой вообще не работает. Сначала идет постановка диагноза, а потом — квалификация и подбор методов. Выбирается наиболее эффективный из них. Поэтому у них психотерапия стрессовая. Там, пока вам диагноз не поставят, вы страховую помощь не получите, ее не оплатят. Рамки практики созданы самой социальной системой и культурой.

Н. В. Ключева. А мне здесь такая идея видится: никогда не сойдутся разные подходы. И полипарадигмы, и теории, о чем Леонид Абрамович говорил, часто несоизмеримы. Психоанализ — своя мировоззренческая идея, бихевиоризм — своя. Однако в практике я буду использовать все что угодно, лишь бы клиент выздоравливал.

Р. В. Кадыров. Я вернусь к когнитивно-поведенческой терапии, о которой я уже говорил в докладе. Почему была доказана ее эффективность, коллеги? Потому что есть протокол. Как без протокола доказать эффективность? Иначе это просто творческая мастерская психолога, а значит, и полный произвол. Это как раз то, что западный мир отверг.

Н. В. Ключева. Я думаю, что и у них все сложнее. Эффективность определяется и подходом. В одном случае

эффективность прямо связывается со статистикой, в других, качественных, подходах — с рефлексивным анализом. Очевидно расхождение практики и науки. Что и обнаруживается при легитимации диссертационных исследований. Качественной методологии в легитимации, как правило, отказывают.

Л. А. Пергаменщик. Одну секундочку. Я хочу еще раз повторить один из своих тезисов — психология должна работать с человеком. В основе практики должен быть человек! Я думаю, что эффективность любого направления определяется не столько тем, насколько правильно действует или не действует психолог, а тем, как он относится к тому, кто к нему пришел. То есть все дело в личности психолога! Именно поэтому я не возражаю против любого направления, лишь бы оно удерживало в фокусе внимания человека в первую очередь, и лишь во вторую — инструменты. И второй тезис: как только мы начинаем диагностировать личность нашими замечательными тестами, мы элиминируем человека. Он становится нам неинтересен. И диссертацию мы защитим, когда будет пятьдесят или сто испытуемых. Конечно, лучше, чтобы была тысяча. Но все это уже не психология.

М. А. Дыгун. Я, пожалуй, соглашусь с Александром Андреевичем в трактовке кризиса как антропологического, культурного. В таком случае вопрос об основаниях становится принципиально открытым. Причем это касается и исследований в области психологии, и психологических практик.

А. А. Полонников. Для профессиональной психологии любое решение, как мне представляется, обусловлено концептуальным контекстом. Этим она и отличается от обыденного психологического опыта, в котором

действуют имплицитные теории. Диагноз не ставится с повседневной точки зрения. И позиция психолога конструируется в зависимости от подхода.

Р. В. Кадыров. Если говорить о концептуальной рамке в психотерапии, мы не работаем с клиентом с точки зрения диагноза. Даже я как клинический психолог могу сказать, что диагнозом не занимаюсь. Но сбор анамнеза, история жизни — это то, с чего начинается работа. Только потом у меня возникает гипотеза о состоянии моего клиента. Тогда я как клинический психолог, владеющий диагностикой, могу либо сам приступить к работе с клиентом, либо направить его к специалисту, например медицинскому психологу.

Л. А. Пергаменщик. Прежде чем что-то делать, надо понять, кто человек, с которым ты имеешь дело. Белорусские психологи хорошо знают, что есть такая международная концепция BASIC Ph. Обычно спрашивают: «Ты BASIC Ph знаешь?» Если знаешь, то дальше можно разговаривать. Согласно этой концепции кризисное вмешательство соотнобразуется с выяснением содержания опыта обратившегося за помощью человека. А у каждого есть свой опыт преодоления жизненных сложностей, способов саморегуляции и самореабилитации. И кризисный психолог работает не с тем, что он хорошо знает из протоколов и методичек, а с тем, что нуждающийся в помощи человек может сам. Поэтому когнитивно-поведенческая терапия работает на 10 % пострадавших, а еще на 10 % — экзистенциальный подход, на 10 % — юнгианский подход, и так далее. Кризисный психолог не имеет права априори знать, он должен слушать и анализировать то, что исходит от пострадавшего. И это может объяснить неэффективность того или иного подхода в кризисной практике.

Н. В. Ключева. Понятно. Не с методом мы идем, а к клиенту.

А. А. Полонников. Мне кажется, что в вопросе оснований следует все же различить: одно дело — восприятие ситуации обратившегося к психологу человека, а другое — ее интерпретация, определение. Здесь на ум приходит теорема Томаса: «То, как мы определяем реальность, реально по своим следствиям». Да и в любом случае любая интерпретация ситуации, события, человека — не вне культуры, не вне подхода. Психолог не может получить профессиональную картину события, если не определится с подходом, в котором работает.

Н. В. Ключева. Леонид Абрамович четко различил то, что относится к гипотезе, схеме описания и объяснению того, что происходит, исходя из данной схемы. Понимание — принципиально другая вещь. Это когда я способствую исследованию клиентом собственной реальности, обнаружению им смысла произошедшего события, его контекста. И здесь, мне кажется, важно умение отойти от собственной интерпретации кризисного события.

С. А. Янгибаев. Но в феноменологии есть четкие критерии: интерпретация — это как раз насилие над человеком. Любое понимание человека — это наша власть над ним. И, соответственно, если мы объясняем, понимаем и интерпретируем — это наша власть над человеком.

В. В. Загребин. Я социолог, но обсуждаемые вопросы меня заинтересовали. Это вопросы об обществе, культуре, науке. Вот, например, вопрос о кризисной психологии как науке. Предлагаете движение от человека. Это прекрасно, но это только для практики. Если речь идет о научении человечности, то это уже не наука. Поэтому говорить о человечности в связи с наукой достаточно проблематично. Одно дело

наука, исследование, другое — применение ее результатов.

Л. А. Пергаменщик. Очень хорошее замечание. Я согласен с Вами. Есть практика: надо помогать человеку. Есть наука, которая пытается понять: что этот человек значит. Это отражено и в том словаре, которым мы, кризисные психологи, пользуемся. Мы обращаемся к понятиям «переживание», «преодоление», «биография». Мы всегда начинаем с анамнеза, даже рисуем с обратившимся к нам человеком: расскажи, что было в твоей жизни? И это важные для моего понимания слова. И когда я над ними размышляю, у меня возникает вопрос: а есть ли какая-то академическая психология, которая с такого рода словами работает? Понимаете? Мне Людмила Ивановна Анцыферова² еще в 1993 году сказала: «Это психология повседневности». Ей уже тогда это было понятно. И вот прошло 30 лет. Что изменилось в нашей психологической науке и психологической подготовке? А ведь в кризисной практике имеет значение не столько само по себе человеческое переживание, сколько то, как человек переживает, как относится к тому, что переживает. Мы не работаем так, как биохевиористы или исследователи-когнитивисты, превращая человека в объект изучения. Я говорю о феноменологии не потому, что она мне нравится, а потому, что она человечна. Вот почему мы на кафедре социальной и семейной психологии открыли семинар по социальной феноменологии, читаем Шюца³. Очень

сложно. На последнем семинаре за два часа прочли лишь небольшой абзац, разбираясь, о чем идет речь. Правда, Дмитрий Сергеевич Лихачев вспоминал, что когда он учился в университете, то они год читали несколько строчек «Медного всадника» Пушкина. Легкого пути на поприще психологии ждать не приходится. Вообще, я думаю, что психология — это такая наука, которая не для того, чтобы ее выучить, а для того, чтобы учить.

М. А. Дыгун. Леонид Абрамович, в этой связи у меня возникла такая мысль. Мне близок экзистенциальный подход в том плане, что он отказывается от построения универсальной экзистенциальной теории и связанной с ней позицией универсального экзистенциального психотерапевта. Психолог каждый раз создает свою уникальную экзистенциальную ситуацию. И вот здесь есть возможность видения реального человека, переживания его состояния, а с другой стороны, не исключен и риск недопонимания другого, неадекватности в оказании помощи.

Л. А. Пергаменщик. Психология — наука рискованная. Любая встреча — проблема. Это при тестировании или анкетировании, обработке данных риск минимален.

А. А. Полонников. Но тогда можно еще раз поставить вопрос о научности психологии. В каком смысле это наука?

Л. А. Пергаменщик. Аверинцев⁴ считал, что психология не наука. Это «инонаука», как он ее называл.

² Людмила Ивановна Анцыферова (1924–2013) — российский психолог, специалист в области методологии, теории и истории психологии, психологии развития и геронтопсихологии, автор фундаментальных работ по психологии мышления и психологии личности.

³ Альфред Шюц (1899–1959) — австрийский и американский социолог, социальный психолог, последователь Э. Гуссерля, один из основоположников феноменологической социологии и понимающей психологии.

⁴ Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) — российский филолог, культуролог, историк культуры, философ, литературовед, переводчик.

М. А. Дыгун. В смысле и наука, и искусство, и что-то еще, да?

Л. А. Пергаменщик. Вообще, конечно, название важно, но не принципиально. Если скажем, что это не наука, то кто нас в приличное общество впустит? И диссертацию тогда попробуй защити.

Р. В. Кадыров. А можно попросить еще раз осветить вопрос? Мы, вообще, что обсуждаем сейчас? Как вопрос звучит?

А. А. Полонников. Вопрос был поставлен Леонидом Абрамовичем как проблема оснований кризисной психологии. А я бы его еще и усилил: об обосновании оснований. Прозвучал сильный тезис, связанный с тем, что психолог должен иметь дело не с безликой формой, а с человеком. Но что это значит — иметь дело с человеком?

Л. А. Пергаменщик. Понимаете, когда я говорю о человеке, то я всегда подразумеваю диалог с другим. Протокол вторичен, подчинен динамике нашего взаимодействия и может быть в ходе его радикально изменен.

В. И. Слепкова. Мне кажется, что в обсуждении мы все еще не определились с одним первоначальным понятием — кризисом.

Л. А. Вертынская. Ну, пока очевидно, что в основном у нас доминирует тема методологического кризиса. Помните, как у Выготского в «Историческом смысле психологического кризиса»: «Камень, который презрели строители, стал во главу угла. И камень тот — философия и практика». Значит ли это, что методологический кризис, о котором писал Выготский в 1927 году, так до сих пор не преодолен? Или это другой кризис, другой по форме и по содержанию?

А. А. Полонников. С той точки зрения, которую я здесь отстаиваю,

в психологии нет никакого кризиса. Кризис — это структура интерпретации. Или, как писал Поль де Ман⁵ в «Слепоте и прозрении», кризис существует для того, кто говорит на языке кризиса. То есть кризис — специфическая символическая конструкция, дискурсивное образование, которое только и существует, пока (и до тех пор) поддерживается кризисным сообществом. Говорить о кризисе в психологии по аналогии с кризисом организма или экономики в объективных терминах опрометчиво. Кризис предполагает кризисного субъекта, неудовлетворенного существующим статус-кво. Если бы мы сейчас опросили, например, представителей белорусской психологии на предмет существования в ней кризиса, то многие посмотрели бы на нас с недоумением. С этой точки зрения вопрос о кризисе — вопрос самореферентности, прозрачности нас самих для нас самих. Мы же в контексте культуры. Так или иначе определяя человека, мы вносим в его определение наше понимание, наши ценности, наше самоопределение. Мы действуем и пытаемся создать тем самым значимую для нас ситуацию, даже если мы это в полной мере не осознаем. Это я склонен называть практикой, и ее реализация соотнобразуется с нашим конструктивным действием, жизнеутверждающим дискурсом. В этом деле мы сталкиваемся с противодействием, попытками других акторов утверждать свои смыслы и ценности. Мы склонны их описывать в терминах негаций.

Л. А. Пергаменщик. Я хочу еще один тезис обозначить. Мы (Леонид Абрамович и Валентина Ивановна — *Прим. ред.*) философы по образованию. Но философы, знаете, не очень грамотные. Почему? Мы в университете

⁵ Поль де Ман (1919–1983) — бельгийский философ и литературный критик, писатель.

двадцатый век развития философской мысли не изучали, останавливались где-то на Гегеле, Канте. Словом, немецкой классике. А по Канту, как вы, вероятно, знаете, мир создается человеком в процессе его познания. Обратите внимание: до нас нет ни человека, ни нас, пока мы не начали процесс познания. И кризиса как познавательной конструкции тоже нет, если он в таком качестве не осознается. Почему? Вот феноменолог Ричард Лазарус⁶ как считает? Человек встречается с событием, воспринимает его, оценивает, говорит: «Нет, то не кризис». А другой в такой же, как кажется, ситуации утверждает: «Кризис». Понимаете? Вот феноменологический подход. Кризиса нет как объективного понятия, это диспозиционное отношение. Мы с Валентиной Ивановной наблюдали, когда работали с одной студенческой группой, разность психологического отношения членов этой группы к одному и тому же трагическому событию. Одни девушки плакали, некоторые падали в обморок, другие вели себя отчужденно, не испытывали никакого дискомфорта. В этой работе для нас было важно все: и то, как событие переживается его участниками, и их отношение к нему, и способ выражения этого отношения, его репрезентация. Вот это и есть в моем понимании феноменология.

Л. А. Вертынская. Мне кажется, что такое видение характерно как раз для феноменолога. Возьмем для примера позицию Хосе Ортеги-и-Гассета. В своей работе «Немного о феноменологии» он описывает восприятие группой людей смерти, происходящей на их глазах. Перескажу близко к тексту. Умирает человек. У его постели жена, два друга,

газетчик, которого к этому смертному одру привел долг службы, и художник, оказавшийся здесь случайно. Одно и то же событие — агония человека — для каждого из этих людей видится со своей точки зрения. И эти точки зрения столь различны, что едва ли у них есть что-нибудь общее. Разница между тем, как воспринимает происходящее убитая горем женщина и беспристрастно наблюдающий эту сцену художник, такова, что они, можно сказать, существуют при двух совершенно различных событиях.

Н. В. Клюева. Феноменолог работает со смыслами!

С. А. Янгибаев. Или с их невыраженностью, с невысказанным, с молчанием, с паралингвистическими проявлениями.

Н. В. Клюева. По философским основаниям мы, психологи, — субъективные идеалисты. Другого ничего нет — это база, на которой мы работаем. Я на конференции представляю Ярославскую психологическую школу. Хочу подарить вашему институту книгу по методологии структуры и сущности субъективной реальности. Ее научный редактор — Анатолий Викторович Карпов, наш декан, — отмечает, что динамика практической психологии ведет к нарастанию противоречий ее и научных знаний. Последние по большому счету не обеспечивают кризисное консультирование, так как классическая наука не способна работать с индивидуальными реальностями, с пониманием, эмпатией, терапевтическими отношениями в целом. Как этому можно научить?

С. А. Янгибаев. С помощью литературы, искусства, музыки. Причем не просто смотреть или читать, что-то с этим делать.

⁶ Ричард Лазарус (1922–2002) — американский психолог, специалист в области психологии личности и психологического здоровья.

Н. В. Ключева. Да, это очень интересная тема — обучение. И там ведь тоже кризис. Наши студенты сидят за партами, разделяют человека на восприятие, память, внимание, думая, что личность так и устроена. Приходя в магистратуру по консультированию, они говорят: «Испытуемый...». Я им в ответ: «У нас не испытуемый, у нас — человек». И это перестраивает их сознание.

С. А. Янгибаев. А засилье популярной психологии? Люди сами себе ставят диагноз: «Я — нарцисс!», полагая, что этим он все прояснил. А на деле просто заблокировал процесс. И психолог нередко аккомпанирует этой риторике, к сожалению.

Р. В. Кадыров. Коллеги, мы уходим в другую сторону! Давайте вернемся к тезису Леонида Абрамовича о кризисе. Ведь не всякая ситуация может определяться как кризисная. Смерть близкого у одного, возможно, вызовет кризис, у другого — серьезное переживание, у третьего — парадокс осознания. Или, например, ситуация экстремальности — угроза жизни. Но почему-то находящиеся в ней пять человек по-разному к ней отнесутся. Значит, психика реагирует на какие-то объективные показатели. Поэтому нет травмирующих ситуаций, нет кризисных ситуаций. Есть ситуации, которые могут привести к травматизации, кризису с какой-то большей вероятностью. И мне кажется, этот тезис очень важный.

Л. А. Пергаменщик. У китайцев: «Кризис — это опасный жизни шанс». В этих трех словах — весь смысл: во-первых, есть жизнь, в жизни бывают опасности, и дальше идет шанс. Шанс чего? В кризисной психологии, в теории посттравматического стресса одни говорят «стресс», а другие — «рост». Почему это происходит?

А. А. Полонников. Если вернуться к теме кризиса, то кризис, несомненно, есть, что объясняет интерес присутствующих к теме нашего круглого стола и некоторую наблюдаемую нами эмоциональность.

В. И. Слепкова. Где и какой кризис? Поясните.

А. А. Полонников. Какой угодно! Его индикатором выступает наша чувственная реакция, которую можно описать как ощущение «нетаковости». Мы еще не знаем, чем оно вызвано, в чем его содержание, однако то, что что-то не так, схватывается нами в переживании. Вот это «не так» — уже и есть кризис.

В. В. Загребин. Это уже и есть кризис?

А. А. Полонников. Да. На субъективном уровне это уже кризис. Он не вовне, хотя потом может быть атрибутирован внешним обстоятельством, но изначально он нам дан, например, чувством тревоги. Но он может быть символизирован и, став конвенцией, приобрести статус объективной реальности.

Р. В. Кадыров. А бывает, что человек всю жизнь живет и у него не возникает ощущения кризиса?

А. А. Полонников. Наверное, бывает.

Л. А. Пергаменщик. Не знаю, я такого не встречал.

А. А. Полонников. Чисто теоретически можно представить. Бескризисное адамическое существо гуляет по райскому саду — и ничего в голову не берет. Хотя в культуре наличествует достаточно много способов травмирования индивида, внушения ему внутреннего беспокойства. Например, вменения верующим сознания «первородного греха». Но при обсуждении оснований кризисной психологии, как мне представляется, важно учитывать еще одно соображение. Как жителям повседневности нам неведомо беспокойство

по поводу кризиса в психологии в той или иной редакции. Другое дело — наши переживания с профессиональной позиции. Чтобы эти переживания возникли, нам необходимо покинуть повседневную территорию и оказаться в символическом (воображаемом) пространстве активности профессионала (или на пути к ней). Эта позиция не естественна, а конструируема. Поэтому и следует различать интерпретацию в обыденном смысле (надо любить себя) и профессионально-психологическую интерпретацию, обусловленную специальным языком, концептом и номосом. Понятно, что, производя такую интерпретацию, мы уже не повседневные деятели. Мы осуществили трансгрессию, вышли из повседневного состояния. Профессиональная психологическая позиция теперь будет подчиняться не «хотениям» моего «я», а обязательствам, диктуемым новым трансгрессивным положением. Профессиональное «я» приобретет легитимность на территории того дискурса (научного, практического), который «я» признает легитимным для себя и за который будет нести ответственность. Вот в чем вопрос. И тогда, что важно для профессиональной подготовки, например, студентов-психологов, студент приобретает опыт трансгрессии. Его этой искусственности и следует научить. Образование в этом смысле связано с культивацией кризисного состояния.

Н. В. Клюева. Давайте мы как-то будем дифференцировать реальность и не будем убеждать всех наших клиентов в том, что жизнь — это сплошная вереница кризисов. Есть ситуации непреодолимости, их можно воспринять как риск. А есть «нетаковость»: вот мне сегодня не понравилась погода с утра, дождь мне не нравится. Понимаете? Важен учет контекста профессионального

кризиса. Ведь когда психолог начинает интерпретировать, то вступает в силу рефлексия и она прямо связана с профессионализмом.

М. А. Дыгун. У меня есть предположение. Я не претендую на верный ответ, но ключ, как мне это представляется, — в моменте присутствия. Вот если удается присутствовать в контакте с клиентом без интерпретаций, не уползая в свою головушку, тогда я чувственно в ситуации. Слово «присутствие», заметьте, означает «быть при сути» — при сути своей, при сути этого человека и при сути нашего контакта. Присутствие можно еще понять как состояние чистого сознания, состояния, в котором даже образы отсутствуют.

С. В. Кирпич. Я сейчас подумал о ситуации, связанной с искусственным интеллектом. Мне кажется, что искусственный интеллект никогда не подойдет даже близко к человеку, так как ему недоступна субъектность. Человек же может быть объектом и субъектом одновременно, то есть быть и в отношении сопричастности другому, и в зоне отчуждения от него. Где же тогда граница между субъектностью и объектностью? Можно ли ее как-то отыскать?

Л. А. Пергаменщик. Я считаю, что психолог всегда должен относиться к пострадавшему как к человеку. Субъект-объектных отношений в психологии нет и быть не должно. Они есть только тогда, когда мы изучаем память, внимание, какую-то часть человека, какие-нибудь черты. Но терапевт (а кризисная психология относится к терапии, к помощи) не может себе позволить рассматривать другого как объект.

Н. В. Клюева. А как тогда быть в ситуации допсихологической помощи в экстремальной ситуации? Когда используются четкие, короткие инструкции: «стань здесь», «пей воду» и так далее?

Р. В. Кадыров. На самом деле эти указания служат через принятие — я предлагаю тебе воду, а не заставляю ее пить. Идея такова: это нормальная реакция в ненормальных обстоятельствах. Это уже и принятие, и понимание.

Л. А. Пергаменщик. Интересный вопрос о том, как мы предлагаем воду. Можно дать прямо в руки, чтобы человек ее взял, — и это будет неправильно. А можно сказать: вот вода. То есть что мы делаем? Мы выстраиваем диалог. Я даю человеку воду: вот от меня есть вода, а ты попробуй ее принять. Я ему говорю: активизируй внимание, активизируй отношение к этому и возьми воду. Понимаете, в кризисных ситуациях мы должны использовать формулу: «вот вода». Можно, конечно, при бомбежке укрыть человека, в безопасное место его отвезти. Но это мы не с позиции психолога работаем, а как социальные работники, которые просто перемещают человека туда, где ему безопасно. Но с позиции психолога мы говорим: «вот вода», «вот плед».

А. А. Полонников. Мне же представляется, что объективация нашего партнера — необходимый момент нашего с ним взаимодействия. То есть превращение его в объект — неременное условие терапевтической ситуации. Она динамична, и процессуальная ее трансформация обусловлена решаемой в данный момент психологом задачей. Сопереживание и понимание — стартовый этап психотерапевтического взаимодействия. Но само по себе сопереживание недостаточно. Оно нуждается в анализе, рефлексивном отстранении, объективации. В фокусе нашего сознания помещается уже не человек. Он, говоря словами Гуссерля⁷, выносится за

скобки, а в горизонте восприятия — подструктура переживания, другой в форме его «нетаковости». Таким образом неизбежно идет объективация другого.

Р. В. Кадыров. Тогда что Вы понимаете под объектом?

А. А. Полонников. На этом уровне нашего разговора — превращение в объект, ничего другого. Или, согласно Канту, это тот случай, когда человек в процессе анализа рассматривается сам по себе, независимо от способа, каким он созерцается. Он независим в этот момент от меня, обладает автономией, хотя для меня как аналитика его автономия иллюзорна.

С. В. Кирпич. Но хоть капелька эмпатии в этой позиции остается?

А. А. Полонников. Думаю, что нет. Эмпатия будет означать привнесение себя в другого. На этапе анализа и интерпретации это кажется недопустимым. Да и Фрейд нас предупреждал об опасности проекции. Речь идет не о тотальной объективации другого, а лишь о фрагменте психологической помощи. Это не поведенческий акт, а ментальный. Он реализуется параллельно взаимодействию, не совпадая с ним.

С. В. Кирпич. А если сопереживание меня настолько поглотило, что я падаю в его объятия?

А. А. Полонников. Тогда я теряю профессиональную позицию.

Р. В. Кадыров. Правильно ли я понимаю, что когда я описываю феноменологию клиента: «плачет», «говорит», «растерян» и так далее, то в этот момент он для меня объект?

А. А. Полонников. Разумеется. В этот момент другой фигурирует как знак, а знак никак не может быть субъектом. Ну разве что в эзотерических

⁷ Эдмунд Гуссерль (1859–1938) — немецкий философ, основатель феноменологии.

сочинениях. Знак другого, его личности, — это продукт преобразования моего переживания. Потом эта позиция меняется на другую, психотехническую, поддерживающую либо дистанцированную.

Р. В. Кадыров. То есть если я что-то вижу и слышу — я в объектных отношениях, если я что-то делаю — я в субъектных отношениях.

А. А. Полонников. Не так просто. Видеть, слышать и понимать — это разные действия. Вы можете по-разному видеть, слышать и понимать. В частности, Вы можете понимать не принимая, слушать и не слышать, смотреть и не видеть. Важно понимать состояние другого и порой не вникать в содержание его высказываний, трактуя их, например, как бред. Но это уже инструментальная часть, которая вне моей компетенции.

С. В. Кирпич. Простите, не могу не отреагировать. А не получается ли тогда так, что я как психолог колеблюсь?

А. А. Полонников. Да, именно так. Ваша позиция — психотехнический инструмент, который Вы используете по назначению в соответствии с задачей помощи. Я бы использовал для описания профессиональной позиции термин «маневрирование».

М. А. Дыгун. Правильно ли я понимаю, что на каком-то этапе той же психотерапевтической работы, когда она проделана, дабы наделить силой самого клиента, его надо оттолкнуть от себя, сделать его для себя объектом? Это как любящий родитель должен поступить в определенное время в отношении своего ребенка.

А. А. Полонников. Да, такая аналогия, на мой взгляд, уместна. Она лишь подчеркивает сложность и динамизм психотехнического действия, психотехнического диалога.

Л. А. Пергаменщик. Уже час мы ведем диалог. Думаю, что он не закончится с завершением круглого стола, а продолжится в процессе работы, позволяя делать ее лучше. Но в нашем обсуждении сегодня наметился еще один интересный поворот. Я хочу ему содействовать. У нас здесь присутствуют представители разных вузов, занятых подготовкой будущих психологов. Оценивая нашу работу, отмечу: мне не нравится, как мы учим студентов. Принципиально не нравится. Но ответить на вопрос, как именно надо обучать, тоже не смогу. Наши учебные исследования, как правило, имеют странный вид. Они далеки от потребностей жизни, от проблем, с которыми имеет дело кризисная психология. Обучение психологическому исследованию соотнобразуется со статистической обработкой малообоснованной информации. Студенты не владеют приемами психологического анализа, языком научного письма, коммуникации.

Р. В. Кадыров. Качественная методология сложнее, поэтому таких исследований меньше, чем количественных, обучение им требует большего времени. Качественное исследование, качественный анализ — это серьезный труд.

Л. А. Пергаменщик. Я точно знаю: мы должны готовить психологов не для того, чтобы они давали ответы. Мы должны готовить психологов для того, чтобы они формулировали вопросы. Психолог — это человек, который прежде всего умеет задавать вопросы. Наше обучение вообще лишает студентов любой эвристичности. Их учебная задача сводится к выучиванию ответов на наш (или программы) вопрос. А в жизни, в практике необходимо другое, необходимо в течение долгого времени удерживать вопросное отношение, зная при этом, что любое состоявшееся

понимание — это серия новых открытых вопросов.

А. А. Полонников. Леонид Абрамович в своем пленарном докладе, рассказывая о ситуации 80-х годов, о помощи людям, пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС, отмечал обезоруженность психологов, несоответствие полученных в университете знаний, умений и навыков тем задачам, которые перед ними поставила жизнь. Психологии пришлось обучаться с нуля. Более того, психология, которой учили, даже мешала. Но дело в том, что эта традиция (назовем ее академической) сегодня продолжается. Читаются пространственные лекции, содержание которых для кризисных ситуаций непригодно. Особенно это видно в случае общей психологии.

М. И. Розенова. Но без нее психологическое образование принципиально невозможно.

А. А. Полонников. Почему?

Н. В. Клюева. Как Вы представляете себе психолога, который не знает каких-то базовых понятий — внимание, восприятие, память?

А. А. Полонников. Очень даже себе представляю. И что Вы называете базой? Как эта база может выступить основанием кризисной психологии? Я согласился бы еще, если бы студенты в курсе общей психологии изучали, например, феноменологическую психологию Гуссерля или теорию восприятия Мерло-Понти⁸. Да и у Выготского вопрос об общей психологии, как известно, ставился не в статусе базы психологической деятельности, а как критика психологий.

Л. А. Пергаменщик. А общая психология в ее нынешнем состоянии просто ни с чем не соотносится.

А. А. Полонников. Ситуацию в современной психологии принято считать полипарадигмальной. Это означает, прежде всего, многообразие оснований и практик, которые представляют собой неинтегрируемое множество. То есть картография в психологии становится неразрешимой проблемой. Это множество невозможно разложить на плоскости потому, что все они взаимопределяемы. То есть речь может идти только о взаимопологании. Вопрос о фундаменте в плане содержания в этом случае снимается с психологической повестки дня. В результате мы можем описать положение в психологии, но это всегда будет локальное описание из определенной теоретико-практической перспективы.

Н. В. Клюева. Интересно, если мы сейчас попытаемся определить то, что необходимо специалисту в кризисном консультировании, ну, например, нужна ли философская психология и какая, надо ли преподавать нарративный метод, дискурс-психологию или нет, то как быть с феноменологией? Что является необходимым и достаточным? Что должно быть вшито в образование?

Л. А. Пергаменщик. Когда мы с Валентиной Ивановной учились в университете, психологию у нас в БГУ преподавала Елена Павловна Ересь⁹. Психология у нее была представлена в одном марксистско-материалистическом виде. Хотя и хорошо представлена. Прошло 70 лет, а мы по-прежнему изучаем марксистско-ленинскую психологию,

⁸ Морис Мерло-Понти (1908—1961) — французский философ, представитель экзистенциальной феноменологии, восходящей к основаниям философии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

⁹ Елена Павловна Ересь (1904—1985) — советский психолог, специалист в области общей, возрастной и педагогической психологии, кандидат психологических наук, доцент.

оправдывающую известную теорию отражения. В рамках этой психологии нет человека. Вот почему общая психология, которую у нас читают, вряд ли полезна. Даже в рафинированном позитивистском изложении. А практика? Позитивизм в качестве основания кризисной психологии — психологии диалога — не пригоден. Что из того, что кризисный психолог будет посвящен в обстоятельства позитивистского исследования памяти, мышления? Да и история психологии нуждается в серьезной ревизии. История психологии — форма профессионального сознания и самосознания. Она несет за него ответственность.

Н. В. Клюева. У Василюка¹⁰ идеи очень красивые были, в том числе для образования. О том, что объектом психологической науки должна быть не реальность, а способы работы с ней. У него ведь намечалась психотехническая парадигма, оригинальная концепция переживания, жизненных миров человека. Мощная методология, связывающая теорию и практику.

Л. А. Пергаменщик. Дело в том, что Василюк пытался работать на базе феноменологии, пробовал создать в России это психотехническое направление. Он говорил, что в 1936 году из нашей науки была вычеркнута психотехника, что нам надо вернуться к ней. У меня есть ощущение, что и Выготский к концу жизни поворачивался в сторону феноменологии. В его последних работах

все чаще появляется категория «переживание».

А. А. Полонников. Но если мы будем ставить вопрос о психологии в психотехнической плоскости, то он в воплощении кризисной психологии должен быть сформулирован не в духе Мюстенберга¹¹, как приложение фундаментальной теории к практике. Речь, видимо, должна идти о другом — о практическом повороте психологии. Если для науки приоритетен вопрос истины, то для практики в психотехническом смысле более значим эффект. Значит, необходимо создавать и применять разные критерии обоснованности, разную эпистемологию, формулировать диалогические принципы. А это совсем другое обучение, нежели то, которое мы имеем сегодня.

М. А. Дыгун. Мне кажется, что сегодня диалог по тезисам доклада Леонида Абрамовича, когда он говорил о ценности диалогичности, о диалогичности как базовом основании кризисной психологии, получился. Мне было важно соприкоснуться с позициями собеседников и той глубиной, которая в обсуждаемых вопросах и дискуссии присутствовала.

Н. В. Клюева. Мне кажется, что наш разговор сегодня был не только захватывающим, но и результативным для всех. Результат, конечно, важен и нужен.

Л. А. Пергаменщик. Помните, как у Антона Павловича Чехова: «Если бы знать, если бы знать!»? Так и здесь: если бы знать, каков он, результат.

Материал поступил в редакцию 23.01.2025.

¹⁰ Федор Ефимович Василюк (1953–2017) — российский психотерапевт, доктор психологических наук, заведующий кафедрой индивидуальной и групповой психотерапии Московского городского психолого-педагогического университета, профессор, президент Ассоциации понимающей психотерапии.

¹¹ Гуго Мюстенберг (1863–1916) — немецкий философ и психолог. Первопроходец использования идей прикладной психологии в образовании, медицине и бизнесе. Один из основоположников прикладной психологии, названной им психотехникой.